

Выйти из боя

Автор убедительно просит считать все совпадения личных имен, географических названий и исторических событий не более чем случайностью.

Часть первая

ИЮНЬ

1

В один из солнечных, но прохладных дней начала лета из стеклянных дверей международного аэропорта под малопочетным номером «Ш-2» вышла высокая девушка. Двери за ее спиной с шорохом сдвинулись, отрезая путь немедленного отступления из дикой, наполовину азиатской страны. Оторваться от благовоспитанной Европы молодая пришельца не боялась. Старую добрую Европу девушка откровенно не любила, а здешний запах уже подзапылившейся зелени и плохо отрегулированных автобусных двигателей был все-таки не чужим для нее.

Девушка, щурясь, посмотрела на раннее солнце и вынула из рюкзака темные очки.

Поджидающие клиентов бомбилы переглянулись. Опыт подсказывал, что короткостриженная блондинка не попадает ни под одну из категорий, способных выложить 100—150 зеленых за счастливую возможность с ветерком долететь до центра мегаполиса. Вообще-то таких красоток обязаны встречать. Правда, ни чемоданов, ни сумок молодая особа при себе не имела. То-то и таможенный контроль прошла быстрее всех. Значит, все-таки иностранка.

— Такси, мисс? Недорого... — произношение у труженика бананки было отнюдь не оксфордским, но понять можно.

Девушка задумчиво оглядела водителя, крутящего на пальце связку ключей с брелком, напоминающим кистень среднего размера.

— В какой отель прикажете, фройлян? — проявил знание немецкого языка таксист.

Девушка с кожей цвета странного лимонного загара неопределенно улыбнулась.

Водитель повернулся за помощью к коллегам. Те вяло приблизились. Ничего с этой туристки не заработаешь. Что за привычка с грошами по чужим странам шляться? Но поболтать хотелось. Такую «соску» не каждый день увидишь. Ляжки в джинсах, а куда там мини-юбкам, — глянешь, слюни так и капают. Может, ее все-таки встречать должны? На модельку не похожа — те плоские и на рожу, если без макияжной краски, стертые. Актриса?

— В город, сеньорита? Поедем недорого. Безопасно, сеньорита, — изрек на языке Сервантеса извозчик в белом джинсовом костюме.

Девушка улыбнулась.

— Не напрягайтесь, уважаемые. Мне на автобус, сеньоры командирь...

Мужчины проводили взглядами стройную фигуру. Наверное, все-таки нерусская. Из прибалтиек, что ли? Или из тех — потомков «первой волны»? Много сейчас княгинь липовых развелось.

За долгий день парень в белом костюме еще не раз вспомнил красивую незнакомку. Ползущие вверх цены на бензин, пробки на Сущевке и Третьем кольце, клиент, забывший недешевый мобильный, — все за этот день не вызвало эмоций. Вот, блин, бывают же такие красивые девки?! И почему тебе всегда крысы попадаются? Не внешне, так внутри, точно швабры натуральные. Дворянок поискать, что ли?

В начале третьего ночи парень утешился, сняв двух хохлушек на Ленинградском.

* * *

Катрин остановилась в средненькой гостинице на проспекте Мира. Всезнающий Интернет рекомендовал пристанище как центр молодежного туризма. По коридорам действительно шлялись группки каких-то неопределенных типов в широких штанах и мятых ветровках. В самой Европе такие экземпляры встречались почему-то значительно реже. Должно быть, в основном разъезжали по миру. Катрин сомневалась, что сможет вписаться в это глуповато-доброжелательное сообщество тусовщиков. Впрочем, девушка не собиралась здесь надолго задерживаться.

Город произвел на нее гнетущее впечатление. Бьющее в глаза обилие средств, потраченных на реконструкцию, иллюминацию

и украшение столицы, подчеркивало непоправимую скорбность произошедшего. Дорогостоящий, второпях наложенный грим на лицо то ли умирающего, то ли уже испутившего дух существа. Людная Тверская. Манежная площадь, похожая на украшенный фонарями, незастроенный фундамент. Странные статуи у Александровского сада, куца псевдоречка. Все походило на декорации старых черно-белых фильмов из жизни злобных дореволюционных угнетателей. Правда, цокающих языком от восхищения гуляк-купцов и заводчиков вокруг не было видно. Бродил нормальный народ, невзирая на запрет, сосал из бутылок пиво и, по-видимому, не обращал внимания на нелепость интерьера.

Катрин смотрела на все как будто впервые. Она хорошо знала город. Тот, старый настоящий город, ребра и позвонки которого еще проглядывали сквозь дорожную тротуарную плитку, «старинные» пластиковые фонари и вездесущие кляксы реклам.

Что умерло, то умерло.

Девушка дошла до Большого моста, посмотрела на о-очень большой храм. Идти дальше, к местам детства, расхотелось. Катрин вернулась к метро. Завтра будет тяжелый день.

Родители... Катрин ничего не могла с собой поделаться — они теперь были чужими. Наверное, истинной близости никогда и не было. Но за эти годы скитаний, одиночества и встреч с самыми разными людьми и нелюдьми Катрин поняла, что причина не только в ее детской, юношеской, а теперь уже и не юношеской черствости. Чувство отчуждения всегда оставалось обоюдным. Двадцать один год назад ребенка сделали по обязанности. Потом ребенок по обязанности старался уважать и слушаться породивших его. Ничего хорошего из обязанностей, помноженных на обязанности, получиться не могло.

Вот и не получилось.

Отца Катрин помнила в основном по запаху душистого трубочного табака. Отец почти не курил, но считал, что мужчина должен благоухать определенными солидными ароматами, непременно происхождением с Туманного Альбиона. Может быть, но засыпать в карманы пиджаков аккуратно отмеренные щепотки «благовоний» — довольно смешно. Впрочем, Катрин, наверное, была несправедлива. Отец постоянно пребывал в министерстве или в командировке. С задачей обеспечить семью материально он хотя и без воодушевления, но справлялся. И если бы на месте Катрин

была любая другая Маша или Даша, Григорий Андреевич так же аккуратно спрашивал бы ее о делах в школе и так же размеренно, не щедро и не скупно, выдавал карманные деньги.

Вычитанную из хорошо изданных переводных книг педагогическую заботу мамы Катрин помнила намного лучше. Виктория Игоревна излишне пристально разглядывала себя со стороны. Она любила производить впечатление на мужчин и умела это делать. Только связать собственную привлекательность и принципы Макаренко в юбке не получалось даже у нее. Когда визг, истерики и попытки маман применить изоощренные теории Фрейда, Юнга и Бердяева перестали производить впечатление на малолетнюю жертву, сама Катрин уже и не могла вспомнить. Должно быть, еще в первых классах школы. Девочке хватало и тупого педагогического прессинга в элитной спецшколе. Упрямства Катрин всегда было не занимать. Очень скоро Виктория Игоревна прониклась к наследнице презрительным пренебрежением. Диагноз «папина дочка» был вынесен раз и навсегда. Нет, нерегулярные вспышки бурных эмоций продолжались. Но это была уже даже не дань чувству долга, а так — следствие дурного настроения. Имея в виду себя, Виктория Игоревна всегда считала, что люди должны быть благодарны за возможность общаться с такой незаурядной женщиной и у дочери нет ни малейших оснований считать себя исключением.

По прошествии лет Катрин поняла, что из мамы получилась бы исключительно талантливая mistress*. Стоило бы попробовать, только при чем здесь родная дочь?

...Катрин сидела в своем номере, пила минеральную воду, в которой не было ничего минерального, смотрела на лихорадочные огни города за окном. Родителей не выбирают. И когда родители не интересуются тобой долгие годы, с этим ничего не поделаешь. Может быть, нельзя назвать два года и два месяца «долгими годами», но Катрин успела прожить за это время несколько жизней. И за все это время родителям и в голову не пришло начать поиски.

Ну и фиг с ними! Тебя и так очень многие ищут. Хорошо хоть не под руководством Интерпола.

* Доминирующая женщина. Сленговый термин садомазохистов.

...Серое столичное небо начало сереть, огни гаснуть, а девушка все еще сидела, положив ноги на подоконник. Тяга к алкоголю давно прошла, в груди привычно пригрелась тоска, похожая на большого серого кота.

* * *

...Субботный день почти обезлюдил утренние улицы. Катрин спустилась в просторное метро, ехала, привычно пересаживаясь с линии на линию. Переходы и эскалаторы не забылись. Сонные и бодрые лица, купленные на дешевом оптовом рынке цветы, по раннему времени еще не ставшие по-настоящему плотоядными мужские взгляды. Под землей город почти не изменился, разве что на саму Катрин теперь обращали больше внимания. Видно, потеряла девушка за прошедшее время столичную заурядность. А может быть, просто так глазели, по субботам народ газеты читал неохотно, да и к сражениям с кроссвордами сонные мозги горожан еще не отмобилизовались.

Поезд остановился на стеклянном мосту. Зашипели двери, выпуская на платформу одиноких пассажиров. Катрин невольно окинула взглядом открывшуюся с длинного моста панораму. Город был залит солнечным светом. Торчали башни и башенки. Кроме привычной с детства башни университета, появился десяток разнокалиберных небоскребов, торчащих из тела города искусственно выращенными папилломами. Над самой плоской горой столицы вознесся тупой штык с пришипленным ангелом. Катрин, как и все жертвы школьного образования, относилась к Великой войне без особого интереса. Но вряд ли память о погибших миллионах стоило воплощать в столь непродуманном монументе.

Эх, город, город, куда ты делся?!

Катрин вышла из метро, прошла сквозь оранжевую стайку коммунальчиков-таджиков. Здесь уже открылись магазины, жизнь начинала бурлить. Девушка с трудом нашла нужную остановку, зато автобус подкатил сразу.

Бело-красная двадцатипятиэтажная громадина гордо возвышалась на изрытом гаражами и автостоянками холме. Престижный район, никаких тебе «хрущевок», девятиэтажек, о дореволюционных домах и домишках, среди которых прошло детство, и речи нет. Роскошный вид на реку. Никем не засиженное место. И неудобное.

Катрин помедлила. Внутри подъезда сидела консьержка. Едва ли она узнала бы девушку, но пропустить, наверное, пропустила бы. Только стоит ли так являться, как снег за шиворот? Где ключи твои остались, бродяжка-блондинка?

Девушка опустила на пестро покрашенную лавочку. Идти не хотелось. Не манит тебя родной дом. Да и какой он родной?

Вспомнились стены и башни на другом холме. Ветер с гор, блеск реки. Катрин зажмурилась, сжала кулак. Широкий браслет врезался в запястье. Королевское украшение было надето сегодня специально. Девушке нужна уверенность.

Веришь амулетам, дура?

Вроде бы помогло. Катрин встала, решительно набрала код домофона.

Никто не подходил. Потом ответил незнакомый мужской голос:
— Да?

Катрин несколько опешила, но напористо потребовала:

— 43-я квартира? Я могу поговорить с Григорием Андреевичем или с Викторией Игоревной?

Домофон в замешательстве пошипел и осведомился:

— А что вы хотели? По поводу чего?

— По поводу войти и поздороваться. Я, между прочим, прописана здесь. Была по крайней мере...

Динамик пораженно задумался, потом промычал:

— Да-да, входите, пожалуйста...

Катрин по-хозяйски прошла мимо заерзавшей за стеклянной перегородкой консьержки. Подъезд был все тот же, просторный и пустой, вот только запах новостройки повыветрился.

Металлическая дверь на лестничную клетку оказалась незапертой. Катрин шагнула внутрь. Мать встретила ее в холле. На Виктории Игоревне был элегантный черный костюм со свободного покроя брюками и туфли на шпильках. Некоторое смятение и спешку выдавала только не доведенная до идеального порядка прическа. Надо признать, годы пока не могли справиться с холерной красотой профессиональной домохозяйки. Скорее, наоборот — мама похорошела.

— Здравствуй, Катя, — Виктория Игоревна окинула дочь коротким цепким взглядом. — Хорошо ли добралась?

— Здравствуй, мама. Добралась без проблем. Автобусы сейчас ходят как часы.

Виктория Игоревна кивнула.

— Еще бы. Только это и радуется.

За последние годы Виктория Игоревна явно стала сдержаннее в проявлении эмоций, но Катрин слишком хорошо знала маму, чтобы не уловить скрытое презрение. Кроссовки, автобус, вульгарная футболка — фу, дочь, повзрослев, так и не стала дамой.

— Проходи, Катя.

— Спасибо, мама, — девушка скинула кроссовки.

В дверях кухни мялся высокий молодой мужчина в светлых джинсах и белой сорочке.

— Это Виталий, — кратко отрекомендовала мама. — Пойдем в комнату.

Сорочка у Виталия была застегнута не на ту пуговицу, но подобные щекотливые подробности уже давно не заставляли краснеть молодую гостью.

Девушка села в кресло. За эти два года итальянская мебель не стала удобнее.

Виктория Игоревна опустила в кресло напротив дочери.

Как оказывается, просто обо всем догадаться, когда давно знаешь человека. Мама еще только укладывала узкие кисти на коленях, а Катрин уже знала, что она сейчас скажет.

— Катя, я знаю, как это ужасно для тебя прозвучит, но твой папа покинул наш мир.

Кажется, губы девушки все-таки дернулись.

Виктория Игоревна продолжала, чуть добавив в голос тщательно отмеренной скорби:

— Бедный Григорий. Это случилось прямо в рабочем кабинете. Инфаркт. «Скорая», конечно, не успела.

Катрин прикрыла глаза. Не надо. Не надо смотреть с таким любопытством, когда сообщаешь дочери о смерти отца.

— Это случилось год назад. Так неожиданно. Я была просто раздавлена. Уничтожена.

Катрин открыла глаза, прямо посмотрела на чужую красивую женщину. Слез ты не дожدهшься. Твоя дочь провела два года не в Санта-Барбаре.

— Он не мучился? Раз это было быстро, — голос девушки звучал чуть хриловато, только и всего.

Виктория Игоревна откинулась в кресле.